

Восстановление Донбасса: сможем ли отстроить утраченное?

Противостояние разрушает не только экономику, но и доверие между людьми

Восстановление разрушенной экономики и социальной инфраструктуры востока обойдется в миллиарды долларов. Война продолжается, и масштабы разрушений возрастают. Кроме того, есть потери, которые невозможно измерить ни в одной из валют. «В результате войны разрушается доверие между людьми, возникает опасность деления общества на «мы» и «они», и это самая большая из опасностей, которой мы должны противостоять», — говорит директор Института демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи Национальной академии наук Украины, академик НАНУ Элла Либанова. Как преодолеть реальные и фантомные боли Донбасса, она рассказала в интервью «Голосу Украины».

«Рассчитывали на то, что будут действовать Минские договоренности...»

— Национальная академия наук готовит научное сопровождение восстановления Донбасса и обустройства вынужденных переселенцев. Очевидно, свои предложения ученые должны были представить правительству накануне международной донорской конференции, которая все время откладывается...

— Ее планируют провести в апреле. Когда осенью мы говорили о научном сопровождении восстановления Донбасса, рассчитывали на то, что будут действовать сентябрьские Минские договоренности, и мы сможем планировать, как восстанавливать промышленность и инфраструктуру. Но они не действуют, перемещение нарушается. Масштабы экономических, экологических, технических проблем сложно оценить, потому что идет война и мы не знаем, что завтра еще будет разрушено. Нехватка информации не позволяет разработать эффективные рекомендации. Более или менее понятна социогуманитарная составляющая.

Понятно, что восстановление Донбасса связано с восстановлением его экономики, прежде всего промышленности. Но не все разрушенные объекты следует реанимировать, нет смысла восстанавливать устаревшее производство. Вместо этого необходимо строить новые современные предприятия.

Однако на современных предприятиях люди с неполным средним образованием не смогут работать. Между тем рабочая сила на Донбассе не такая уж и квалифицированная, как кажется на первый взгляд. В Донецке, Луганске, Мариуполе, Макеевке удельный вес людей с высшим образованием больше. Но это ведь не весь Донбасс. Поэтому следует думать о переобучении тех переселенцев, которые захотят вернуться в родные города и села, но не найдут там работы.

Из-за вооруженного противостояния мы теряем человеческие ресурсы. Люди гибнут, получают увечья, и это огромная трагедия. Но, кроме прямых потерь, есть и косвенные. Сегодня в мировой экономике большое значение имеет так называемый человеческий капитал. Это не просто люди, это их социальные связи, их доверие друг к другу и к власти, их желание что-то сделать для улучшения своей жизни. Война эти связи безжалостно разрушает. Родственники, соседи или коллеги по работе перестают доверять друг другу,

а порой даже разговаривать между собой. Доверия к власти и СМИ нет. Из-за потерь человеческого капитала даже масштабные инвестиции в современные технологии, в развитие экономики не дадут желаемого эффекта.

Наконец, последнее, о чем я хотела бы сказать, — это формирование деления населения на две части — «мы» и «они». И не имеет значения, к которой из этих групп мы относим себя и какие претензии имеем к оппонентам. Это деление может поставить крест на наших перспективах и будущем страны в целом.

«Мы» и «они»

— Как этому противостоять?

— На самом деле здесь больше могут сделать сами вынужденные переселенцы, чем жители тех районов, куда они перебираются. Так уже сложилось — приспосабливаться всегда приходится тем, кто приехал. Переселенцы нуждаются в помощи, и они ее получают. Бесспорно, не такую, как они хотели бы. Но у нас бедное государство, на большее элементарно не хватает денег.

Часто вынужденные переселенцы и постоянные жители регионов, к которым они переехали, просто не понимают друг друга. Например, прибывшие с Донбасса жалуются, что им не хотят сдавать жилье или брать на работу. В действительности же в этом больше сугубо экономических причин, чем психологических, хотя и такие имеются. Сейчас у всех есть проблемы: с работой, зарплатой, кредитами в банках, ценами в магазинах, и люди хотят иметь какую-то страховку в виде арендной платы за свое жилье. Они размышляют — нынче переселенец имеет средства, а что будет потом? Смогу ли я выселить квартиранта, если он откажется платить? То же касается работодателя. Сейчас государственные и частные предприятия сокращают работников, отправляют их в отпуска без содержания. Если у работодателя каким-то чудом возникает вакансия, он хочет взять специалиста не на два месяца, а на более длительный срок. А переселенец при первой же возможности может вернуться домой. И вряд ли кого-то из этих двоих можно в этом обвинять. (В определенной степени власть на это отреагировала. В первом чтении принят законопроект о компенсации работодателям затрат на оплату труда вынужденных переселенцев. Предприниматель обязан обеспечить переселенцу рабочее место на срок вдвое больший, чем срок, в течение которого он будет получать компенсацию. — «Голос Украины»).

— Сейчас много разговоров ведется вокруг форм и методов люстрации и десепааризации. Кто-то считает, что во

время войны такие дискуссии вредны, они не объединяют общество...

— Думаю, что еще более вредно ничего не делать. Особенно во время войны.

— Весьма часто жители районов, страдающих от обстрелов, во всем обвиняют нашу армию и нашу власть. Причем с обеих сторон фронта...

— Им надо объяснять (на всех уровнях, даже на бытовом, любым способом), что даже если во двор залетела украинская пуля, то это не Украина в этом виновата, не украинская армия развязала эту войну, решила прийти на чужую землю. Если кто-то хотел жить в России, надо было элементарно купить билет и переехать туда, а не тянуть вместе с собой соседей, у которых совсем другие планы. Есть люди, склонные к аналитическому мышлению, есть — не склонные. Им надо объяснить, что у «мирных ополченцев» сами по себе не могли появиться российские танки, тяжелая артиллерия, «Грады». Боюсь, что женщин в возрасте «50 плюс» уже ни в чем не убедить, но необходимо стараться, бороться за сознание каждого жителя Украины. С молодежью и детьми надо работать обязательно.

В 2013 году наконец-то начала формироваться украинская политическая нация. Мы перестали думать о том, кто за кого когда-то там голосовал, кто какой национальности, откуда происходит, в какой церкви молится... Начали чувствовать себя гражданами Украины. Без этого, между прочим, не было бы нынче такого мощного волонтерского движения, направленного как на помощь армии, так и на помощь переселенцам. Это чрезвычайно важный фактор, важное условие для того, чтобы состоялась Украина как государство. Тем более, как успешное государство. Если же деление на «наших» и «ваших» по-прежнему формирует единую политическую нацию, то мы снова откатимся назад. Начнем думать, что я в первую очередь житель Донбасса, а уже затем гражданин Украины.

— Почему такой гипертрофированный региональный патриотизм был присущ именно Донбассу?

— Донбасс был одним из наиболее успешных проектов СССР. Конечно, там много шахт, которые еще Юз строил. Но много и советских, после Второй

мировой строились современные предприятия. Регионы, где, как на Донбассе, развивалась тяжелая промышленность, имели крепкую социальную базу — там быстрее соорудились жилые, местные магазины лучше обеспечивались продуктами. Люди привыкли, что они — элита: «Мы — рабочий класс. Мы — гегемон. Мы кормим всю Украину». В 80-е годы все эти блага вдруг исчезли. И когда в 1991

году во время декабрьского референдума более 83 % жителей Донетчины и Луганщины проголосовали за независимость Украины, то в значительной мере — из-за обиды на несостоятельную «всесоюзную» власть, с которой связывали свои экономические неурядицы, из-за уверенности в том, что в независимой Украине будет жить лучше, при том изменении будут быстрыми. Но вместо этого хозяйственные связи разорвались, предприятия развалились, своеобразно была проведена приватизация — собственность получил в основном криминалитет... Новая власть, киевская, тоже оказалась «не такой». В 90-е годы к правительству приходили шахтеры, стучали касками об асфальт, и после этого менялся премьер. Люди еще больше убеждались, что они — сила, с которой надо считаться. При этом жители Донбасса всегда были сторонниками «порядка», «крепкой руки», тем более «своей», донецкой. Они привыкли ходить на работу, старательно ее выполнять, а об остальном должен был позаботиться кто-то другой. И когда в 2013-м в Киеве люди самоорганизовались и вышли с протестами против Януковича, жители востока искренне не поверили в то, что киевский Майдан не был кем-то организован и проплачен. Захват админзданий на Донбассе многие воспринимали как зеркальное отображение Евромайдана. Вот только ни в столице, ни во Львове, ни в Черкассах во время массовых протестов никто не осквернял украинские флаги и не вывешивал на админзданиях чужие триколоры...

— Антиукраинские настроения усиливались российской пропагандой, потоком лившейся из СМИ. Многие жители региона работали в России, знали, что пенсии и зарплаты там лучше, а вот того, что и цены выше, не учитывали. Здесь, знаете, как в известном анекдоте: не надо путать туризм с эмиграцией. Одно дело — ездить в Россию на заработки, а другое — там жить. В этом, кстати, убедились наши беженцы, получившие не слишком теплый прием у соседей... — Большинство переселенцев с востока сконцентрированы в подконтрольных Украине районах Донетчины и Луганщины и соседних областях. Не хотят уезжать далеко от дома... — Ситуация все время меняется, и в прифронтовых городах, даже освобожденных и подконтрольных Украине, может быть опасно. Думаю, надо максимально содействовать эвакуации мирного населения из зоны АТО. Надо забрать оттуда как можно больше людей. Им надо объяснять, что квартиру или дом жалко, но они не стоят человеческой жизни. Да, сложно начинать все с нуля на новом месте. Но если уж вы попали в другой регион, попытайтесь как можно быстрее адаптироваться, найти работу, отдать детей в садик, ведь вам придется здесь задержаться надолго, а может и навсегда. Нельзя все время жить на чемоданах и ждать: еще месяц-два, стихнут выстрелы, и я вернусь... Надо осознать, что во многих случаях просто некуда будет возвращаться.

Реинтеграция переселенцев — дело муниципальных комиссий

— Как обеспечить переселенцев работой?

— Это огромная проблема и главная. Без активного участия самих переселенцев здесь не обойтись. Но власть должна всячески содействовать самоорганизации и самозанятости тех, кто бежит от войны. Простой пример. В Украине повсюду не хватает детсадов. Надо максимально упростить процедуру открытия частных дошкольных заведений, где одна мама-переселенка могла бы присматривать за пятью или десятью малышами других мам. Переселенцы могут быть привлечены (и уже привлекаются) к работе, связанной с обустройством жизни самих переселенцев. Вместе с волонтерами могут привлекаться к созданию временных социальных служб для сопровождения тех, кто в этом нуждается, — медицинского, психологическо-

го, организационного. Такие структуры должны получить официальный статус и средства. Эти вопросы надо отдать местным органам власти. Обустройством и реинтеграцией беженцев должны заниматься специальные муниципальные комиссии, в которые, кроме чиновников, надо обязательно привлечь волонтеров, общественность, представителей организаций переселенцев. С одной стороны, такие комиссии будут эффективнее использовать имеющиеся ресурсы (потому что лучше будут знать, где нужна помощь и какая), а с другой, снимут напряженность и недоверие между беженцами и теми, кто их принимает.

Надо создать специальные муниципальные фонды (за счет местных бюджетов, международных организаций, благотворительных взносов) для обустройства и адаптации временно перемещенных лиц. — Помощь на аренду жилья государству будет платить переселенцам в течение полугода. Что дальше? — Надо посмотреть, где есть общежития и как они используются, где имеются отремонтированные помещения. Ко мне приходят представители донорских организаций и благотворительных структур, работающих там. И я высказываю свою точку зрения — не вижу смысла строить специальное жилье для переселенцев. Потому что это будет лить воду на ту мельницу, которая разделяет украинское общество на «мы» и «они». Многие люди, чьи близкие родственники отдали и отдают свою жизнь за Украину, живут в ужасных условиях. И они этого не поймут. Вместе с тем надо думать, как разместить переселенцев территориально. Отправлять в глубинку людей, которые никогда не работали в сельском хозяйстве и не знают, как это делать, не имеет смысла. Тем более зимой, когда прокормиться с огорода не получится. Не думаю, что надо размещать переселенцев компактно, ведь если они будут жить рядом с местными жителями, им будет легче адаптироваться.

— Получила ли НАНУ средства на подготовку научного сопровождения восстановления востока?

— Пока нет. Но надемся, что получим. — Во сколько обойдется восстановление региона и кто должен дать на это деньги? — Это миллиарды долларов. Сейчас мы пытаемся разработать методику оценки убытков, причиненных войной. Если наконец-то заработают реформы, о которых мы с вами мечтаем, если экономика начнет выбираться из кризиса, средства найдутся. Когда станет понятно, что дальше будет происходить на Донбассе, будет ли это полноценная часть Украины, или территория наподобие Приднестровья, или что-то другое, когда будет уверенность, что оттуда агрессия не пойдет дальше, тогда будут деньги. От доноров, от государства, от благотворителей.

Беседу вела Анна ЛУКАНСКАЯ.